

Станция была непривычно спокойна. Кусок металла был как никогда холоден, сбросив маску добродушия и погрузив всех посетителей в свои ледяные объятия.

Рабочий персонал отдыхал после первого дня турнира. После первого дня отдыхали и неумолимые зрители. Готовясь к завтрашнему продолжению, они даже по-тихому праздновали, хотя и сами не могли объяснить причину своего умиротворения. Участники «Ню Нова», уже зная имена своих завтрашних противников, настраивались на успех и прорабатывали план действий. Хотя некоторые просто отсыпались, решив не заморачиваться излишними тревожностями по поводу победы или проигрыша.

А вот в апартаментах одного наследника сивилийской семейной ветви, расположившись полукругом, три человека потягивая из бокалов чёрный густой напиток «арихзи». «Празднуют», — мог бы подумать случайный свидетель, если бы у сидящих не были такие мрачные лица. Сам хозяин номера держал в одной руке бокал, а в другой то и дело сосредоточенно крутил свой кинжал. Хотя сосредоточенно ли или всё же нервно? Возле окна сидит другой участник, ни разу не пошутивший за вечер и теребящий кончик своей длинной косы. А в углу елозит не прошедший отбор Дурий, не зная, что сказать и время от времени бороздя пальцами свою бороду. Наконец-то рахдиец собирается с духом и, с насквозь проржавевшей непринуждённостью, говорит:

— Ну, энто-самое, будьма, за победу!

— За победу, — почти шёпотом поддерживает Ума. — Сегодняшнюю и за завтрашнюю...

— Особенно за завтрашнюю, — хмыкает Иола.

— Да ладно киснуть аки старым девам, — залпом осушив бокал, Морж смелеет, — завтра будет завтра, радуйтесь, шо сегодня победили. Вот когда судья начал тебя искать, малец, а ты всё не возвращался, я, было уже, думал, что мне придётся менять исподнее...

Пять часов назад

— Где Алактум? — Кристо Чак явно теряет терпение, — ему через пять минут выходить.

— В туалете он. В туалете. — Дурий обливается потом и пыхтит, но, похоже, судье сейчас не до этого.

— Сколько можно сидеть в туалете? Он что, спасал вчера кладовую от просроченных консервантов?

— Я просто дал ему книжку почитать с собой, — глаза рахдийца готовы вылезти из орбит, — знаете, как это бывает: он зачитался и не спешит выходить.

Кристо уже направляется к уборной, когда Морж, махая руками, преграждает ему путь.

— Стойте, стойте, он просил его не беспокоить! Сказал, что ему нужно настроиться на бой...

Дурий затух под тяжёлым взглядом офицера нобилити. И никто из них не понимает иронии происходящего: не умеющий лгать человек стоит напротив человека не доверяющему никому, но не умеющего распознавать ложь.

— Я сейчас зайду туда, и если там не будет Умы Алактума, — пламя загорается во взгляде Кристо: во взгляде судьи турнира, взгляде офицера нобилити, — то... в общем я ещё не придумал, но тебе же лучше, чтобы он там оказался...

В уборную влетает огненный вихрь в человеческом обличье. При виде судьи пользователи санитарных устройств спешат покинуть прибежище. Даже кабинки отворяются быстрее обычного, демонстрируя свою непричастность к сокрытию кого-либо. Одна из кабинок оказывается запертой, и Кристо, не церемонясь, выбивает её одним ударом, чтобы наткнуться на знакомое лицо.

— Привет! — добродушно улыбается Дженсо Вэй, как будто ничего странного не произошло.

— П-привет, — неловко отвечает товарищу скандалист.

— Как дела? — искренне интересуется судья-великан.

— Да вот, ищу кое-кого.

— Ааааа, — понимающе кивает Дженсо.

— Ладно, не буду тебе мешать, — мямлит рыжеволосый, аккуратно ставя выбитую дверь, чтобы прикрыть сидящего коллегу.

Кристо бежит в зал ожидания.

Дурий несётся к спасительному лифту, компенсируя недостаток длины своих ног скоростью их передвижения. Рахдиет пыхтит и проклиная себя за то, что связался в это дело, что слишком много выпил. К слову весь остальной мир он тоже начал проклиная, но ему помешали. Откуда-то сверху, преграждая путь к ульм-лифту, появился красноволосый судья. Несмотря на свои небольшие размеры, он был страшен: страшен, когда приземлился перед рахдийцем, страшен, когда подошёл к участнику и вдвойне страшен, когда схватил лжеца за горло и заглянул ему в самую душу.

— ГДЕ... УМА... АЛАКТУМ? — судья уже не ищет опаздывающего участника, учуяв запах нарушения правил, отголосок преступления, он собирался докопаться до истины.

Внезапно Дурий Морж захихикал и умиротворённо показал куда-то пальцем. Кристо проследил за жестом и, отпустив несчастного, выругался. На экранах транслировался последний поединок этого дня, где на арену уже вышли два участника турнира. Ума Алактум и Дилас Валентайн. Кристо Чак ещё раз выругался, не понимая, как он мог так ошибиться и как он упустил одного из подопечных ему бойцов.

Над рингом парили десять кубов. По длине ребра в три метра, десять одинаковых кубов висели в невесомости, и было в их неподвижности нечто чарующее, передающее всю красоту насилия над законами физики.

— ...А теперь правила последнего поединка на сегодняшний день!!! — ведущий, заменивший организатора, продолжает удивлять силой своего голоса, — как вы уже заметили, ха-ха, в этот бой были вовлечены кубические платформы! Целью участников обозначается захват как можно большего количества платформ! И как вы могли догадаться: действие будет происходить в невесомости! После сигнала гравитация ринга будет отключена, и бойцам не останется выбора, кроме как парить между точками захвата! Каждый куб имеет своё собственное гравитационное поле, так что участники без проблем смогут добраться до

платформы! Захват точки производится путём касания центральной части куба! Центральная часть подсвечена красным свечением и есть на каждой плоскости каждого куба! После захвата, платформа на десять секунд отключает свою гравитацию, и, таким образом, боец без проблем сможет воспарить к следующему кубу! Также участники могут производить «перезахват» точки уже активированной противником! Куб, захваченный Умой Алактумом будет загораться синим свечением, а захват Диласом Валентайном будет обозначаться зелёной подсветкой! (Таким образом, участники не запутаются, какую из платформ уже захватили, ха-ха!) Победителем будет считаться участник, захвативший все десять платформ или захвативший большее количество по истечении полчаса! Спонсор нашего сегодняшнего...

«Ну конечно, — бубнит себе под нос Ума, — как мне так самые конченные условия для боя. Парить от куба к кубу, не давая при этом противнику захватить остальные точки, как и уже захваченные мной. Где наш старый добрый мордобой — я вас спрашиваю».

Юноша замечает, как его противник кладёт себе в рот чёрную пилюлю. Диласа начинает бить дрожь: ненормальная, пугающая дрожь, охватывающая всё тело. Зрачки расширяются, пот течёт ручьём, кожа бледнеет, височная вена вздувается и начинает пульсировать с бешеной скоростью.

«Это ещё что за нахрен?»

— Итак! Участники готовы? Готовы? НАЧАЛИ!!!

Пол уходит из-под ног, монах неуклюже выравнивает положение тела, отталкивается от ринга и летит к ближайшему кубу. Гравитация платформы подхватывает Уму, и вот уже юноша приземляется на одну из плоскостей — от касания куб начинает вращаться. Участник бьёт по красной точке в центре плоскости — куб загорается синим цветом, гравитация исчезает. Ума отталкивается от платформы и летит к следующей точке захвата. Тем же способом активирует второй куб и без проблем захватывает третий. Проблемы начались дальше.

Летя в невесомости, Ума видит своего противника и понимает, что на следующей платформе столкновения не избежать. Позади Диласа в зелёном цвету светятся четыре куба, и это значит, что следующую цель уступить нельзя.

Они приземляются на куб почти одновременно, на одну плоскость и, не смея отвлечься на захват точки, приближаются друг к другу. Четыре секунды шквальной атаки, когда ты позволяешь телу двигаться в рефлекторно отработанной манере — трибуны затаили дыхание. Четыре секунды — порядка двадцати молниеносных ударов, переходящих в блоки и захваты позволяющим противникам узнать друг о друге всё.

Участники отпрянули, будто к огню прикоснулись, и замерли в смертельной неподвижности. Трибуны молчат: трибуны ждут. Ждёт и комментатор, не решаясь нарушить волшебную тишину.

— Так ты, оказывается, не совсем человек, — вправляя вывихнутый палец, говорит Ума.

— Человек, — грустно отвечает Дилас, — человек, прошедший спец подготовку, офицер Космического Дозора, спец-штурмовик АИ-1167.

— Посмотрим: помогут ли тебе пилюли. Всегда хотел сломать спец-бойца, — Ума не может сдержать свою мальчишескую улыбку.

Противники кидаются друг на друга.

Раз — монах падает, переводя падение во вращение и ударяя по ногам офицера. Военный напрягает ногу, принимая удар и не позволяя себя сбить.

Два — Ума меняет положение тела и, захватив врага ногами, заставляет его упасть. Дилас изворачивается, вырываясь из захвата и становясь на руки, бьёт юношу ногой. Монах катится, избегая удара, и сам становится на руки, отражая ногами очередную серию атак.

Три — противники одновременно вскакивают, чтобы снова сойтись. Глухой удар на грани треска разносится по стадиону, когда голень сталкивается с голенью.

Четыре — Ума скользит к врагу, бьёт двумя руками. Дилас перехватывает оба предплечья и бьёт противника коленом. Монах подсекает опорную ногу, освобождая свои руки.

Пять — юноша прыгает, избегая стальной хватки офицера и приземлившись в центре платформы, ударяет по красной точке, активируя куб и отключая гравитацию.

«Плохо дело, — летя к очередной платформе, думает Ума, — он быстрее меня. Если сражаться в полную силу, то завтра я уже не смогу участвовать. Придётся по-другому... ох уж эти чудопиллюли».

Приземлиться на зелёный куб, ударить по центральной части, прыгнуть к следующему. Приземлиться, ударить, прыгнуть. Приземлиться. Ударить. Прыгнуть.

— Похоже, участник Ума избегает столкновения с оппонентом!!! На него не похоже! Неужели он испугался? — Подзуживает комментатор. — На текущий момент счёт шесть-четыре в пользу Диласа! Похоже, что офицер дозора более привычен к ведению боя в невесомости!

Зрители кричат, в общих чертах требуя прекратить беготню и начать сражение, но юноша их не слышит. Он лишь видит перед собой очередную точку, и стоящего там врага.

Когда ноги Умы касаются зелёной платформы, ожидавший его соперник бросается в атаку. Монах инстинктивно уклоняется и рывком проходит в ноги, хватает и бросает врага, змеем крутит и ломает. Военный не поддаётся, десантная подготовка движет его телом, позволяя выйти из захвата и контратаковать. Предвидя удар, мастер перехватывает нечеловечески сильную руку и проводит болевой захват. Бесполезно: спец-штурмовик не чувствует боли — не сейчас.

Ума отталкивает противника и бьёт по центральной части платформы — глаза слепит синий свет, и плоскость уходит из-под ног. Оттолкнуться и полететь к очередному зелёному кубу, зная, что противник уже летит следом. Почти падение, удар и прыжок. Куб загорается синим, но Дилас тут же пикирует на платформу, касаясь точки и прыгая вслед за врагом.

«Должно же быть хоть что-нибудь: причина, по которой он не использовал спец-добавку во время отбора...»

Штурмовик настигает свою цель в полёте, и участники, подобно коршунам терзают друг друга, потерявшись в пространстве и времени. Противники кружатся, нанося неразличимые глазу удар, пока одна из платформ не притягивает их, превращая безумство полёта в падение. Отбросить, сгруппироваться, встать. И понять, что они приземлились на разных плоскостях куба.

«Что за наркоман придумал эти гравитационные механизмы? Ладно...»

Ума касается точки в центре и летит к следующей, уже зная, что ему следует сделать.

«Вот оно! Его белки пожелтели. Значит: препарат имеет свои последствия. Его почки отказывают. А почки у нас связаны с нижними конечностями. А значит: хоть он и не чувствует боли — удар по ногам будет для него самым болезненным из всего, что я могу сделать».

Ума ждёт, пока Дилас приземлится перед ним. Юноша улыбается, чувствуя, как по телу растекается волна жара, и разрешает себе не беречь сил. Монах бросается в атаку — дозорный принимает стойку.

Рывок к оппоненту обрывается на полпути, когда Ума максимальным напряжением всех мышц заставляет тело остановиться и, вкладывая инерцию в разворот туловища, бьёт со всех сил по ближайшей ноге оппонента, заставляя голеностоп смести мышечную защиту вражеской конечности. Ни грамма эмоции не отразилось на лице спец-штурмовика, но нога невольно подкосилась, на секунду утратив способность выполнять команды мозгового центра. И прежде чем Дилас успевает осознать полученный урон, змей девяти искусств повторно наносит удар, с чудовищной силой обрушивая свою ногу на ослабшую конечность оппонента.

Не понимая как это произошло, Дилас падает на колено, и Ума, пользуясь моментом, захватывает шею офицера. Бывший дозорный пытается вырваться — безуспешно. Змей душит леопарда, и беззвучный вой достигает ушей соседних галактик.

«Нет, — продолжает борьбу Дилас, — я не могу проиграть... не так... не здесь... я должен сдержать обещание...»

Бывший офицер дозора продолжает бороться, тянется к центру платформы и касается красной точки. Гравитация исчезает, и участники парят, парят медленно и умиротворённо, пока неестественное спокойствие не нарушает голос ведущего.

— Итак, до конца матча осталась всего минута! Кто же победит?!

«Зззараза, времени совсем нет, засыпай же, тварь!»

Ума Алактум смеётся и толкает Диласа по направлению к рингу, чтобы ни один куб не захватил врага в своё поле. Дилас бессильно плывёт в пространстве, однако ещё в сознании, ещё способный вернуться в игру.

Тридцать секунд — семь-три. Юноша достигает платформы и активирует точку. Двадцать секунд — шесть-четыре. Монах бьёт в центр очередной плоскости и не жалея сил отталкивается от опоры. Десять секунд — пять-пять. Ума тянется к точке захвата, безнадёжно не успевая к своей победе.

Дилас наконец долетает до ринга и с ненавистью бьёт по нему, направляя себя к одному из кубов.

— ПУУУУУУУУУУУУУУУУУУМ!!!

Противный сигнал финала заглушает всё живое за секунду до того, как Ума дотрагивается до красной точки.

Пять часов спустя

— Ну, так всё ж тебе, дело ясно, засчитали победу. Хоть этому можно порадоваться! — наполняя свой бокал, глаголет Дурий.

— Этому я порадовался, — устало отвечает Ума, — первые полчаса.

— Пока нам не объявили списки завтрашних боёв, — монотонно подхватывает Иола.

Дурий вздыхает и почёсывает пузо.

— Ну и подумаешь, что вам завтра друг с другом сражаться: коли мыслишкой раскинуть — онто неизбежно могло быть. Вопрос то в другом, ядрён-варон: коя победа неизбежна?

— Не в победе или поражении дело, — подкидывая кинжал в воздух, отвечает Иола, — дело в рациональности нашего дальнейшего сотрудничества...

— И-ик! Не понял.

— Как ты мог заметить: наш дражайший Ума затеял неясную мне игру...

Ума молчит, неподвижно вглядываясь в бесконечную глубину своего напитка.

— Станные просьбы, разговоры с хантером за нашей спиной, — продолжает Иола, — ещё и непонятная связь с одним из врачей-добровольцев. Смысл мне заботиться о сотрудничестве, если он может умереть ещё до финала.

Тишина снова наполняет комнату, пока её самым наглым образом не выпроваживает храп пьяного рахдийца. Дурий в обнимку с бутылкой сползает в полулежащее состояние, и выражение его лица ясно говорило, что бородач сейчас в лучшем из миров.

— Ахах! — смеётся Ума, но явно не из-за заснувшего собутыльника, — увлёкся малёк: мне было скучно — виноват.

Юноша продолжает неловко смеяться, когда Иола бросает в него кинжал. Нож, без особого труда схваченный двумя пальцами, останавливается перед лицом Умы — монах аккуратно кладёт перехваченный кинжал рядом с собой.

— Послушай, Йола, — начинает Ума.

— Иола, — поправляет того уриец.

— Не важно... Иола, послушай: мои отношения с хантером — это совсем не то, что ты думаешь. Уверяю тебя: у тебя нет причин на ревность, ты по-прежнему главная жертва моих шуток на этой станции...

— Даю тебе слово: продолжишь сейчас в том же духе — я тебя убью. Здесь и сейчас.

— О, я понял серьёзность твоих намерений. Ты пытаешься угрюмым тоном вынудить меня на нормальное общение. И хотя я бы с удовольствием посмотрел на твои потуги, тем не менее, я могу разговаривать с тобой в другом русле. Не потому что уважаю тебя или боюсь смерти, просто сейчас мне нужны твои ресурсы. Я знаю, что у тебя среди персонала станции есть свои люди, и мне нужен этот придаток. Я хочу предложить сотрудничество.

— Сотрудничество подразумевает обоюдную выгоду. А ты и выгода... ну ты понимаешь.

— Ох-ох, теперь среди нас двоих ты шутишь. Это даже хорошо. Кто-то должен шутить, должен видеть картину целиком.

— О каком сотрудничестве может идти речь, если завтра мы сражаемся друг против друга? Я бы понял, если бы мы условились о гарантии транзитного билета до шестого уровня, но смысл, если завтра один выбывает из турнира. Ещё вариант — ты сольёшь свой поединок мне, но тогда...

— Но тогда перед тобой встанет проблема по имени Фин Лехц. Да, мой золотой недруг, твой план по моему поддержанию и помощи мне обрывается на этом имени. Потому что ты помогал мне для одной цели: победить или ослабить мутанта. Мутанта, которого ты сейчас не в состоянии победить. Я уверен, что ты уже просчитывал все варианты турнирной лестницы. И дай угадаю — результаты не очень то обнадеживающие. Ты знаешь, что из нас двоих только у меня есть шанс, и поэтому моё предложение о сотрудничестве не лишено смысла.

— Ты не понимаешь, — качает головой уриец, — не знаю, какая картина вырисовалась в твоём больном мозгу, но с моей точки зрения ты просишь меня задействовать моих агентов на станции, чтобы проверить какое-то дело, уверен, что опасное дело, иначе помощь тебе была бы не нужна. Ты обещаешь выиграть турнир, попутно рискуя собой где-то ещё. Ты неустойчивый актив. Ты понимаешь, что я бы не согласился на это, даже если бы мы завтра не выступали друг против друга?

— Ты не хочешь выполнять мою просьбу, это я понимаю, — на мгновение взгляд монаха утрачивает живые нотки, — но я не рассказал тебе о своём главном предложении...

— И чем ты можешь меня заинтересовать?

— Ты считаешь себя мастером фехтования. Скажу тебе, что это не так. Найди, что я хочу, достань, что я прошу, мобилизуй своих людей — и завтра я сражусь с тобой в полную силу. Так же, как с «клинками» во время отбора. Я покажу тебе и всему миру: что такое обращение с холодным оружием, и что твоё владение мечом находится на уровне дилетанта.

Иола молчит. Долго молчит. И только пробивающиеся снаружи блики света обнаруживают силуэт сидящего и подтверждают, что он ещё здесь.

Наконец, непривычно сухим и скрипучим голосом, молодой уриец отвечает:

— Я согласен. — Говорит он. — Я согласен.

— Правда? — удивлённо спрашивает Ума, — не ожидал.

— Нет конечно, идиот. Но тебе почти удалось. Как ты это сделал? Я буквально согласился принять платой то, что меня побьют.

— Это синтраж. Это всё синтраж. Он притягивает тех, кто не может себя не испытать...

— Скажу я тебе: надо быть неадекватно-оптимистичным, чтобы ставить на тебя в противовес Фину. Но ты одолел половину команды бронников, вооружённых костюмами S-класса. Пережил все отборы в полумёртвом состоянии и смог в одиночку одолеть команду клинков. Кто знает: может твой десятипроцентный шанс на победу окажется выигрышным.

— Десять процентов? Серьёзно? Ты так низко меня оцениваешь? Интересно: сколько процентов ты себя дашь. Может, ты думаешь, что используя свои зубочистки, ты сможешь в одном

решительном атакующем манёвре смертельно ранить Фина? Или быть может, ты хочешь, чтобы он тоже так думал, чтобы воткнуть в глаз мутанта шпагу? Да, я разглядел твой выпад, что ты использовал против пирата. И позволю сказать: с твоей скоростью у тебя нет и шанса. Уж в чём в чём, а в сражениях и убийствах я знаю толк. Фин Лехц нечеловечески быстр. И это не метафора. Он уже не совсем человек. Он мутант. Пойми, наконец, смысл этих слов и вдолби в свою голову.

— Не наше это дело, разглагольствовать о битвах. Пусть завтрашний бой покажет, кто был прав.

— Ты, наконец, согласился...

— Но у меня тоже есть условие. Я должен доверять тебе. И помимо того, что завтра ты будешь сражаться в полную силу, даже если я умру, ты получишь всё, что просил. Но если я не умру, и для того, чтобы быть уверенным, что ты гарантируешь мне транзит в случае победы на турнире, я бы хотел, чтобы мы установили необходимый мост доверия.

— Если это какое-то двусмысленное предложение, то я вынужден отказаться...

— Заткнись. Мы зададим друг другу ряд вопросов, обрекающих собеседников на понимание друг друга и на какое-то время формирующих дружеские отношения. Это станет гарантом выполнения условий нашего соглашения.

— Всякие вопросы личного характера? Ну, мне скрывать нечего: я все позорные факты своей бурной молодости выложил в сети...

— Сказал человек чуть старше двадцати. Я понимаю, что ты прячешься за своими шутками и не умеешь раскрываться, но считай, что это необходимое условие нашего соглашения. Нет нужды отвечать больше необходимого.

— Говоришь, как мой терапевт, — шепчет монах, — я, кажется, знаю, что буду рассказывать на следующем сеансе...

— Что говоришь?

— Ничего, ты ничего не слышал. Задавай свой первый вопрос...

У ведущего организатора Блюса до невозможного болела голова. За сегодня он уже принял три таблетки обезболивающих, но особого результата это не принесло. Разрываемый на части между организацией турнира, вшивым советом станции и постоянно требующими внимания спонсорами, бизнесмен уже видел перспективу смерти благом. А ведь нужно ещё утвердить полное расписание завтрашних мероприятий и к утру представить отчёт совету.

«Будь неладен этот турнир. Как же я устал».

— Прошу прощения, сэр.

В кабинете появляется референт. Как всегда он чувствует исходящее от начальника настроение и сейчас не спешит что-либо говорить.

«Энди, наверное, ты единственный человек, которому я могу доверять, — думает про себя

Блюс, — и ты знаешь, что я не рад тебя сейчас видеть, знаешь, но всё же пришёл».

— Что у тебя, Энди? — наконец выдавливают из себя организатор.

— Мистер Юри Грекхем просит у вас аудиенции.

— У меня сейчас нет времени на встречу с ним.

— Я подготовил закрытый канал связи.

Накатывает новая волна боли, Блюс давит пальцами на виски, в надежде её унять. Казалось: острое лицо организатора стало ещё старше и бледнее.

«Чего опять хочет этот индюк? Случись действительно что-то важное, мне бы уже доложили. Но если бы не было никакой необходимости, Энди не стал бы меня беспокоить».

— Хорошо, выводы.

Над столом появляется изображение толстого человека в кресле, потягивающего малиновое порфе. Заметив, что связь установлена, барон не смеет медлить с приветствием:

— Добрый вечер, дорогой друг. Не хотел беспокоить Вас в столь поздний час, но дело не терпит отлагательств.

— Я Вас внимательно слушаю, — подавляя боль, отвечает организатор.

— Вы оказали бы мне неоценимую услугу, выделив дополнительный сектор апартаментов на ближайшие два дня. Вне сектора Z, конечно же. Понимаю, что Вы не желаете отклонений в плане, но это исключительно личная просьба. Я бы хотел встретиться с одним старым другом в безлюдном спокойном месте...

— Не вижу проблемы, — прерывая собеседника, отмахивается Блюс, лишь бы поскорее закончить.

«Этот вопрос и Энди смог бы решить, не понимаю, зачем был нужен этот разговор».

Поверх трансляции высвечивается сообщение от референта, после прочтения которого, боль в голове вышла на новый уровень.

— Но я бы хотел обсудить с вами сегодняшний инцидент на трибуне, — массируя висок, меняет тему организатор.

— А разве что-то случилось? — почти естественно удивляется Юри.

— Мне доложили, что к вам проник кто-то из участников «Ню Нова», что довольно странно, и ещё страннее, что все визиты VIP-трибун были отключены в этот период времени.

— Ох, уверяю вас: это была всего лишь случайная встреча фаната в моём лице с одним из поколения новой волны.

— По данным: на вашей трибуне была минутная активация защиты...

— Баловство, не более, — добродушно смеётся барон, слишком добродушно, — ну так что там с моей просьбой?

— Энди выделит вам один из ремонтных секторов и обеспечит его охрану.

— Право, не стоит...

— Это не обсуждается. — Отрезает Блюс и становится ясно, что дальнейшие споры бессмысленны.

— Что ж, как скажете, — после секундной заминки соглашается Грекхем. — Кстати, позволю заметить: я получил доклад о ходе операции за сегодня. Превышение плана на пять процентов — весьма впечатляющее. Глядишь — так тушки будут переправлены ещё до завтрашней ночи, хи-хи.

— Рад, что Вы так оптимистичны, а теперь позвольте откланяться: у меня ещё много работы.

— Конечно-конечно, всё понимаю, спасибо, что уделили мне время.

Трансляция прерывается, и стон вырывается из глубин человека, организовавшего турнир «Ню Нова». Блюс не даёт себе отчёт о том, что он схватился за голову. Глаза становятся влажными, и как никогда хочется умереть. Чей-то голос пытается достучаться до него, но безуспешно.

«Кто это? Энди? Нужно прийти в норму! Любым способом! Ты слышишь меня?»

Референт берёт голову начальника и заглядывает ему в глаза, пока какая-то сила извне не проникает в сознание организатора и не отключает боль. В глазах темнеет, а когда зрение возвращается, то боли больше нет, или, точнее, Блюс её не чувствует.

— Спасибо, — впервые за все годы работы человек в клетчатом пиджаке благодарит верного подчинённого, — спасибо.

011

«Здрааавствуй... извини за столь поздний звонок, но мне сейчас как никогда нужно поговорить. Что? Нет, я не пьян. Ладно, выпил немного, выпил. Давно я не употреблял спиртного, ты же знаешь: не вижу в этом особой радости. Но сегодня меня посетила мысль, что возможно у меня появились отношения, схожие с дружбой. В моём понимании этого слова. Можно сказать, что у меня есть друг — может даже два. Не уверен, стоит ли называть его «новым» другом, да может и не другом, но, по крайней мере, товарищем его назвать могу.

Нет, это не тот кросс, как бы я не пытался заполучить его в смертельные друзья. Это всего лишь один из отпрысков аристократии. Казалось бы, что могло свести меня с разбалованным ребёнком одной из великих сивилийских семей? Я и сам толком не понимаю, но когда мы оба осознали, что вероятно завтра я его убью — между нами рухнула стена недоверия. Мы сидели и разговаривали до поздней ночи. Спрашивали и отвечали не таясь. Я даже увидел в этом холодном расчётливом персонаже человека, способного на заботу. Я этого не ожидал, но он назвал мне истинную причину своего участия в турнире.

Понимаю: утомительно слушать истории чужих жизней, но моя история никуда не денется.

Ты знала, что великие урийские семьи вычёркивают слабо одарённых детей из семейного древа? Такие дети обречены вести жизнь в тени семьи, больше похожую на жизнь подручных, прислуги или доверенных лиц. Но нет к ним ни капли семейного отношения. И самое главное: они неспособны свергнуть главенствующую ветвь, ввиду параноидального превосходства последних.

Мой «друг» был отрадой родителей с самого рождения. Единственный вопрос, который возникал — переступит ли он черту гениальности. И всё бы хорошо, и была бы его жизнь долгой и счастливой с большой вероятностью наследования семейного трона, если бы не один фактор. И фактор этот родился на три года позже него самого. Младшая сестрёнка. Самый дорогой ему человек. Человек, с которым ему не нужно было притворяться, ради которого он был готов на всё. Знаю — банально до тошноты. И можно догадаться, что случилось дальше.

Слишком большой процент счастья уравнился разговорами о том, что малышка не попадёт в семейное древо. В лучшем случае её собирались выдать замуж для укрепления союза с другой семьёй. Узнав это, юный гений добился аудиенции у своего отца и в наиболее рациональном свете выложил своё мнение касательно градации членов семьи, и попросил о пересмотре решения, касательно любимой сестры. Он изложил всё, как и планировал, не понимая, в какой момент так не вовремя подступившие слёзы превратились в поток рыданий. Отец подождал, пока мальчишка успокоится, чтобы без злобы или высокомерия объяснить, что если распределять власть в семье между слабыми потомками, то это грозит развалу. И хуже всего было не то, что глава смотрел с пониманием и заботой, а понимание, что он был прав.

Ради сына глава семьи отложил решение на два года. За это время старший братец должен был свыкнуться с мыслью о разлуке с сестрой, но он использовал это время по-другому: через два года он вновь пришёл к отцу с предложением, обсуждение которого затянулось на несколько часов.

Сын играл с отцом в шogi и рассказывал, как в течение двадцати лет намеревается расширить влияние семьи. Он говорил о покорении Синтраж и о перспективе увеличения власти. О возможности подчинения новых структур и укрепления влияния в уже существующих. О том, что до сих пор их семья добивалась наличия офицеров нобилити, но не посылала на прохождение никого значимого. О том, что помимо полного прохождения синтраж выгоду можно получить после создания новых конгломератов в игре. Сын рассказывал, как уже подготовил финансовую опору для своего плана, обыграв дядю в целое состояние и вложив деньги на создание будущего фонда. Он рассказал, как для изучения структуры уже послал людей на прохождение. И, конечно же, он сказал своему отцу глядя прямо в глаза, что для управления новой организации им понадобятся больше людей. Что его сестра будет нужна в управлении как официальный член семьи, что в случае его смерти сестра выполнит план, основываясь на полученной им информации за время прохождения.

Партия длилась четыре часа. Возможно, ровно столько, сколько и было нужно для разговора. Потому что когда мальчишка закончил говорить — он поставил отцу мат. Глава семьи надолго погрузился в свои мысли, прежде чем дать согласие. И когда он согласился, имя его младшей дочери официально разместили на семейном древе. И младший из сыновей начал подготовку...»

«Да, история может и не из моего мира и рассказывает о семье и любви к близким, но моего решения по поводу завтрашнего боя это не изменит. Потому что я обещал. Потому что как бы он не любил сестру, но жажда схватки с сильным противником уже течёт по его венам с момента, когда он взял в руку своё первое оружие.

Конечно, он тоже спросил меня о том, что я надеюсь получить. О том, что заставляет меня подниматься вновь и вновь. И я ответил, ответил ровно настолько, насколько сам понимал причины моего участия в «Нью Нова». Я сказал, что точно и сам не знаю. Что первая причина не отличается от желаний любого мужчины в мире. Желание стать сильнее, стать самым сильным. Это скрытое животное стремление, что является движущей силой для многих и многих людей. Потому что стать просто сильнее не имеет смысла, ведь утолив свою жажду —

теряешь смысл существования.

Вторая названная мной причина о том, что я делаю это ради веселья, могла разрушить нашу зарождающуюся дружбу. Но не разрушила. Ведь только упиваясь искрящимся безумием весельем, я забываю о бессмысленности всего происходящего вокруг.

И быть может, исходя из этого, зародилось и третье моё желание. Желание схватки с сильными противниками. И где же мне их найти, как ни в Синтраж? И даже жнец внутри меня понимает, что только на верхних уровнях есть самые лучшие поля для жатвы».

«Мой возможный друг сказал, что не понимал, отчего я порой не сражаюсь в полную силу, отчего не убивал своих противников. И мне оставалось ответить только той правдой, какую я создал для себя сам, удерживающей меня от превращения в чудовище. Правда о том, что нет удовольствия в убийстве слабых, что наслаждение от понимания их слабости и того, что они ничего не могут тебе противопоставить — гораздо приятней. Что после поражения они могут стать сильнее и однажды развлекут меня куда больше. Я говорил, что схватка с сильным противником есть величайшая радость для меня, что бой может породнить сильнее крови. А убив сильного, ты лишаешь себя возможности сразиться с ним вновь. Я отвечал и верил, во что говорю, только вот жнец внутри меня улыбался. Молчал, но улыбался. Я сказал, что только когда враг гораздо сильнее меня, единственный шанс победить — убить его без колебаний.

Иола тогда ответил, что понял. Что заблуждался, считая меня монахом Лиан-Чжунь. Что никогда не слышал, чтобы монастырь отпускал учеников в Синтраж. И это было правдой. Просто последователям уже нет нужды стремиться к чему-либо. Они уже обрели себя и свой смысл жизни. Я же, пришедший сюда в монашеской рубе, сделал это во избежание вопросов о наличии моих навыков. Я не полноценный монах, я лишь пару лет потратил на получение личного аттестата от мастеров Лиан-Чжунь. Некоторые люди так делают, если получают базовую подготовку вне монастыря. Моя же подготовка была более чем достаточна. Но подробнее я ему рассказывать не стал. Потому что долго. Потому что эта история будет связана с историей одного паренька с планеты Парк. А эта история не для него. Эта история для тебя. И к ней мы ещё не раз вернёмся...»

<http://tl.rulate.ru/book/8500/159956>